

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)

СЛОВА ТАБУ В НЕНЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Табу на собственные имена людей представляет собой лишь часть пережиточно сохраняющихся в языке словесных запретов, отражающих ту древнюю ступень мышления, когда человек олицетворял окружающие его явления природы, животных, приписывал им сходство с людьми, в частности способность понимать человеческую речь и определенным образом на нее реагировать. «Животные, согласно основному мировоззрению гиляков, рисуются как существа совершенно человекоподобные — и по физической своей природе, и по образу жизни». ¹ Чтобы скрыть свои помыслы и намерения в первую очередь от промысловых животных или от злых сил природы, человек прибегал к иносказаниям, с помощью которых слова становились непонятными для непосвященных.

В книге Д. К. Зеленина ², наиболее крупной из общезтнографических работ, посвященных словам табу, словесные запреты подразделяются на две группы: запреты на охоте и иных промыслах, запреты в домашней жизни. При этом, обращаясь к генетике табу на слова, автор указывает, что в этом отношении «народы восточной Европы и особенно северной Азии, где охота сохранила значение главного промысла у населения, дают особенно богатый и поучительный материал». ³ Для исследователей языка и этнографии ненцев (у которых охота и рыбная ловля наряду с оленеводством составляют одну из ведущих отраслей хозяйства) представляет определенный интерес ряд положений, высказанных Д. К. Зелениным.

Запретные названия животных у ненцев связаны прежде всего с такими сильными и опасными в условиях тундры хищниками, как медведь и волк. Прямым названием медведя служит редко употребляемое слово *βärk*. Возможно, однако, что и оно по своему происхождению — подставное. На эту мысль наводит то положение, что во всех ныне существующих самодийских языках названия для медведя различны (ср. ненецк. *βärk* в тундровом наречии, *βätk* в лесном наречии, энецк.

¹ Л. Я. Штернберг, Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора I. Образцы народной словесности, Санкт-Петербург 1908, стр. XIV.

² Д. К. Зеленин, Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии, часть I. Запреты на охоте и иных промыслах, Ленинград 1929; часть II. Запреты в домашней жизни (= Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук СССР IX).

³ Там же, часть I, стр. 3.

bogöla, нганас. *ḡarka*, сельк. *qorqu*).⁴ Вместо слова *ḡärk* в речи ненцев обычно употребляются описательные слова: *paḡideña* или *paḡideñaako* (букв. черный или черненький), *peḡarej* (букв. лесной), *peḡarahy* (букв. к лесу относящийся), *ḡaḡgutahäna mäna* (букв. в берлоге находящийся), *jam' madota* или *jam' madotako* (букв. употребляющий вместо чума землю), *jiḡi* (букв. дед) — для бурого медведя; *ser'* или *serako* (букв. белый или беленький), *jamgy* (букв. к морю относящийся) — для белого медведя.⁵ Нет в самодийских языках и общего названия для волка: ненецк. *sarmik*, энецк. *samε*, нганас. *ḡüladaḡ*, сельк. *čumpyne*. Слово *sarmik* имеет также значение 'зверь'⁶ и часто заменяется словосочетанием *ty' sarmik* (букв. олений зверь). Кроме того, бытует ряд описательных названий: *piḡihj* (букв. уличный), *ḡyl'eka* (букв. сверхъестественное существо, вызывающее болезнь), *teḡä jamb* (букв. длиннохвостый), *piḡna jaderta* или *piḡna jaderta jiḡi* (букв. по улице ходящий или по улице ходящий дед) и др.

Дикий олень, когда-то основной объект охоты, обозначается в ненецком языке такими словами, как *jilebc'* (букв. средство для жизни) и *tajko* (букв. лобик). Существуют описательные названия и для ряда

⁴ Нет общего названия для медведя и в финно-угорских языках, хотя этот зверь хорошо известен всем финно-уграм. Среди финно-угорских названий медведя немало заимствований из других языков: венг. *medve* от слав. *медведь*, мар. *möskä* от рус. *мишка* и др. Существуют различные описательные названия, подставные имена. См. Д. К. Зеленин, указ. раб., часть I, стр. 106—107.

⁵ Характерно, что из всех этих названий для медведя М. А. Кастрен отметил только «дед» (*Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie Impériale des Sciences IV, 1848, № 74—75, стр. 39, прим.*).

Значительно полнее и в этом отношении ненецко-немецкий словарь Т. Лехтисало (*T. Lehtisalo, Juraksamojedisches Wörterbuch, Helsinki 1956*), где приведен интересный материал о табу у ненцев. См. также его более раннюю работу: *T. Lehtisalo, Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden (= MSFOu LIII), Helsinki 1924*.

Проблемой табу у финно-угорских народностей занимались такие ученые, как А. Каннисто, Р. Нирви, У. Харва (Холмберг). Ценные сведения о различных запретах и словесных табу содержит хантыйский словарь К. Ф. Карьялайнена (*K. F. Karjalainen, Ostjakisches Wörterbuch. Bearbeitet und herausgegeben von Y. H. Toivonen I, II, Helsinki 1948*) и работа: К. Ф. Карьялайнена, *Die Religion der Jugra-Völker I—III (= Folklore Fellows Communications 41, 44, 63), Porvoo—Helsinki 1921—1927*.

Обобщенная трактовка религиозных представлений народов северной Сибири (в том числе финно-угров и самодийцев) дана в работах И. Паульсона (*I. Paulson, Schutzgeister und Gottheiten des Wildes (der Jagdtiere und Fische) in Nordeurasien, Stockholm 1961*; его же, *Die Religionen der nordasiatischen (sibirischen) Völker III, Stuttgart 1962*).

⁶ Слово «зверь» как название для волка встречается у всех восточных славян (см. Д. К. Зеленин, указ. раб., часть II, стр. 36).

Слово *sarmik* в ненецком языке служит также для обозначения понятия 'птица' и, следовательно, употребляется в очень широком значении, конкретизируемом при помощи соответствующих определений: *ja' sarmik* 'наземное животное', *ḡyḡnä jileña sarmik* 'тундровый зверь', *peḡarahäna jileña sarmik* 'лесной зверь', *jaḡ' sarmik* 'морское животное', *jid' sarmik* 'водяное животное', *tirta sarmik* 'большеземельский (б.-з.) (букв. летающий зверь) и *nuḡ' sarmik* 'ямальский (букв. небесный зверь) 'птица'. В тех же значениях выступает слово *surup* в селькупском языке.

Ср. аналогичное положение, отмеченное В. И. Иохельсоном для юкагирского языка (В. И. Иохельсон, *Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. — Труды Якутской экспедиции, отд. III, т. IX, ч. III, Санкт-Петербург 1880, стр. 91, прим. 1*).

Анализируя подобные языковые факты, А. Ф. Анисимов приходит к следующему выводу: «Этот древнейший полисемантизм имени означает ... не отсутствие способности обобщения, а лишь определенную ступень исторического развития обобщения» (А. Ф. Анисимов, *Духовная жизнь первобытного общества, Москва—Ленинград 1966, стр. 22*).

других животных, например: *jaβ mälk* (букв. морской комольй) вместо *ñak* 'нерпа' или *ñarti* 'морской заяц'. В приуральском и ямальском говорах филин обозначается словосочетанием *pédara' jib'a* (букв. лесной клей — прилипает к добыче как клей).

Очень характерно, что названия зверей встречаются часто с уменьшительными и ласкательными суффиксами: *foñako*, *foñakoća* 'лисичка'; *řijako*, *řijakoća* 'горностайчик'; *nohoko*, *nohokoća* — уменьшительная и ласкательная формы от *noho* 'песец' и др. Говорят даже *sarmikeća* — ласкательная форма от *sarmik* 'волк' и *řarkća* — ласкательная форма от *řark* 'медведь'. Не умея еще покорить себе природу и не имея достаточно совершенных орудий лова, человек стремился установить со зверями добрососедские отношения, перехитрить или задобрить их ласковым обращением.

До недавних пор среди ненцев было распространено поверье, по которому мужчина мог вступать в сожительство с медведицей, а женщина — с медведем. Плодом таких отношений могли стать дети, вполне человекоподобные по своему облику. Неудивительно, что самой страшной клятвой считалась клятва на голове медведя. Нарушителя ее ожидала мучительная смерть от медвежьих когтей.⁷ Обладая весьма тонким слухом, медведь, по бытовавшим представлениям, и в глухом лесу и в заснеженной тундре слышит все, что о нем говорится в чуме охотника. Особенно далеко слышит он в ясную погоду. Считалось, что медведь обладает даром всеведения. Несомненно, слух и чутье целого ряда животных значительно превосходят человеческие, отсюда и возникновение подобной легенды.

Медведи очень часто встречались на наших северных окраинах. Об обилии их красноречиво свидетельствуют некоторые ненские топонимические названия, например: *řark' to* 'Медвежье озеро', *řarkuta* 'Воркута' — название населенного пункта (букв. изобилующий медведями) и др. Медведи разрушали амбары охотников, отнимали у людей еду и добычу. Немудрено поэтому, что они вызывали особый страх, а связанные с ними запреты сохраняются особенно долго.

Помимо очень острого слуха звери обладают и тонким обонянием — их отпугивают многие, порой едва различимые человеком запахи. Отсюда возникновение обычая «очищения» как самого человека, так и отдельной вещи, в первую очередь при помощи окуривания. У ненцев для этих целей обычно служат кусочек кишечного жира, лоскуток бобровой шкурки. Нередко «очищение» проводится при помощи пара, получаемого от брызг воды на раскаленный железный предмет. С представлением об исключительно тонком обонянии промысловых животных был связан, по-видимому, и целый ряд запретов, относящихся к женщинам от наступления их половой зрелости до окончания менструаций, когда они считались «нечистыми». Женщине строжайше запрещалось переступать через предметы, связанные с охотой, рыболовством, оленеводством, трогать их руками. В указанном возрасте она не имела права есть рыбу некоторых пород (например, осетра), определенные части мяса убитого животного и т. д. Женщине не разрешалось прохо-

⁷ У хантов и манси почитание медведя вылилось, как известно, в особый культ, который получил наиболее яркое выражение в форме так наз. медвежьего праздника (основные ритуалы этих обрядов засняты В. Н. Чернецовым на кинопленку). При проведении этого праздника особенно широко применяются словесные табу: пока медведь находится в помещении, все так или иначе связанные с ним предметы и действия получают иносказательные названия. Однако и в обычное время не только имя самого медведя запрещено, даже части его тела называются иначе, чем части тела других животных.

дить мимо *синекуя* (священной части чума, где находилась нарта с божками); нарта, на которой перевозились мешки с женской обувью, доски, служащие в чуме полом, настил из-под постели, считалась «поганой», и никаких мужских вещей на ней находиться не могло. Существовал еще целый ряд поло-возрастных запретов, основанных, по-видимому, на приспособлении охотников и оленеводов к природе и особенностям животных.

Подставные имена существовали, надо полагать, для всех зверей, которые могли служить объектом охоты, особенно строгие охотничьи запреты накладывались на наиболее крупных и ценных зверей. Но не все они отмечаются в настоящее время. У ненцев неизвестно, например, описательное название для песца, за исключение слова *teḃä* (букв. хвост). Однако наличие в самодийских языках различных, не сходных между собой названий этого ценного зверя наводит на мысль, что в свое время они были подставными (ср. ненецк. *noho*, энецк. *sedor*, нганас. *satarä*⁸). Это предположение подтверждает тот факт, что имеющееся в селькупском языке название песца носит явно описательный характер: *nul' loqa* (букв. божья лисица). В данном явлении можно видеть последствия некогда существовавшего в отношении песца словесного табу.⁹

Названия некоторых зверей строятся по характерному, хотя и побочному для них признаку. Так, например, в противоположность волку, одно из подставных имен которого — словосочетание *teḃä jamb* (букв. длиннохвостый), заяц в восточных говорах тундрового наречия называется *teḃäši* (букв. бесхвостый).¹⁰

При наличии примитивных орудий лова охота была очень нелегким делом. «От охотника требовались . . . не только острое зрение и тонкий слух, но также ловкость, предусмотрительность, выдержка и настойчивость, помноженные на объективные знания окружающей среды, свойств и повадок животного».¹¹ Не беремся судить, существовал ли у ненцев особый охотничий язык, остатки которого отмечаются у ряда народов. Но в ненецком языке имеется ряд иносказательных слов, непосредственно связанных с охотой. Примеры: *jaderc* 'охотиться на тундрового или лесного зверя' (букв. бродить, странствовать); *jaderta* 'охотник на тундрового или лесного зверя' (букв. бродящий, странствующий); *jamd' syrč* 'охотиться на морского зверя' (букв. смотреть на море); *jamd' syrta* 'охотник на морского зверя' (букв. смотрящий на море); *majada(š)* 'убить животное, зверя' (букв. измучить); *jēnabč* 'сети, орудия лова' (букв. надежда, опора); *jingde(š)* 'запрещать делать что-либо'; *jingdeña* 'запрещаемый, запретный'; *jingdeña num* 'запретное имя'; *jingdeña bada* 'запретное слово'; *bangär* 'берлога медведя' (букв. углубление, глубокая яма).

У ненецких охотников не принято сообщать о точном количестве убитых зверей и называть прямо ценную добычу. Можно и сейчас еще услышать такую, например, фразу: *šanhaḃa teḃäm' tadm'* 'сколько-то хвостов принес (т. е. добыл сколько-то песцов)'.¹²

⁸ Слово *satarä* в нганасанском языке является, по-видимому, заимствованным.

⁹ Ср. объяснение отсутствия единого названия лисицы в индоевропейских языках А. Мейе (А. Meillet, Quelques hypothèses sur les interdictions de vocabulaire dans les langues indo-européennes. — Linguistique historique et linguistique générale, Paris 1926, стр. 288).

¹⁰ Ср. имеющееся в русских говорах название зайца *куцый*, собственно 'бесхвостый' (Д. К. Зеленин, указ. раб., часть I, стр. 98).

¹¹ А. Ф. Анисимов, указ. раб., стр. 212.

Иносказательно могут обозначаться и самые обычные предметы — одежда, обувь, части тела, некоторые продукты и пр.: *ηaja' še'* б.-з. 'малица', например, в выражении *saβa ηajañi še' jangu* 'у меня нет хорошей малицы' (букв. покрывки для тела); *ñangāna ηeda ly* 'зуб' (букв. во рту находящаяся кость); *mārnāna* б.-з. 'сахар' (букв. хрустящий) и т. д.

Помимо запретных слов, связанных с охотой, есть немало словесных табу, относящихся к быту. По мнению Д. К. Зеленина, эта группа табу основывается на вере общества «в магическую силу слова и имени. Слово и имя действуют на существо, называемое данным именем, как вблизи, так и издали, часто на очень больших расстояниях. ... слово, особенно же личное имя, способно воздействовать на изменение природы или свойств, а также судьбы называемого существа, на изменение их в том или ином направлении». ¹² При этом словесные запреты в домашней жизни создаются значительно позднее основной массы охотничьих табу.

Можно предполагать, что был такой период в развитии мышления, когда слово представлялось чем-то вполне материальным. Очень интересен в этом плане чукотский рассказ, приведенный В. Г. Богоразом, о том, как на одного чукчу, терроризировавшего все селение, пробовали насладь порчу, но он «соберет в рукавицу все слова тех людей, которые его пытались испортить, в рукавице завяжет и утром раздаст их обратно. «Вот», говорит, «твое слово», «вот твое», «вот твое».» ¹³

По таким более поздним представлениям название того или иного существа по имени вызывает его появление. В связи с этим можно думать, «что большая часть ... поверий о волке возникла не на охоте, а в другой обстановке. Почти бесспорна крупная роль в этом деле пастухов и вообще скотоводов. Там же, где речь идет об охоте на волка, приходится думать о сильном воздействии на мировоззрение охотников позднейших влияний, развившихся первоначально вне охотничьей среды». ¹⁴

Как и ряд других народов, ненцы избегают употреблять в речи названия болезней, хотя все существующие названия их носят явно описательный характер. В этом случае наблюдается не так уж редко встречающийся словесный запрет и на подставные названия. Видимо, в какой-то мере еще сказываются последствия существовавшего некогда убеждения, что произнеси имя болезни, можно ее накликать. Замечание И. И. Лепехина о том, что у самодийцев нет собственных имен болезням, которые обозначаются только по действию (например, голова болит и т. п.) ¹⁵, ошибочно.

Болезнь называется у ненцев *habća* (то же слово обозначает 'смерть; гибель' — образовано от глагола *haś* 'умереть'), заразная болезнь — *pālad habća* (букв. прилипчивая болезнь). От той же основы *pāla-* произошли переносные значения глаголов *pāla(ś)* 'заразиться' (букв. пристать, прилипнуть), *pālabta(ś)* 'заразить' (букв. прилепить) и ряда других. Характерно сохраняющееся в речи словосочетание *habćaŋo ηedara(ś)* 'наслать болезни'.

¹² Д. К. Зеленин, указ. раб., часть II, стр. 2.

¹³ В. Г. Богораз, Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе I. Образцы народной словесности чукоч, Санкт-Петербург 1900, XXXIX, стр. 207.

¹⁴ Д. К. Зеленин, указ. раб., часть II, стр. 32.

¹⁵ И. И. Лепехин, Дневные записки путешествия IV, Санкт-Петербург, стр. 276.

При помощи формантов *-ša(ś)*, *-šada*, *-šalamž*, *-šalmđe(ś)*, присоединенных к основе слова *habća*, обозначается состояние здоровья, отсутствие каких-либо заболеваний: *habćanž(ś)* 'быть здоровым', *habćanžada* 'здоровый', *habćanžalamž* 'избавиться от болезни', *habćanžalmđe(ś)* 'избавить от болезни' и т. д. Показательно, что те же слова применяются не только к людям, но и к предметам: *habćanžada ŋano* 'новая, крепкая (букв. здоровая) лодка'; *tuku han saβaβna sulormy, teda' habćanžalmđeβy* 'эта нарта хорошо починена, теперь ей износа не будет' (букв. теперь она избавлена от болезни) и т. д.

Из названий наиболее распространенных болезней можно указать: *narjana hada* 'корь' (букв. красная бабушка), *meřoko, meřokoća, ŋylekako* 'оспа' (*meřoko* — уменьшительная форма от *meřo* 'язва', *meřokoća* — ласкательно-уменьшительная форма от того же слова), *ŋylekako* — уменьшительная форма от слова *ŋyleka* 'сверхъестественное существо, вызывающее болезнь'¹⁶, *posa* 'сибирская язва; холера' (основа глагола *posa(ś)* 'раздуться; опухнуть'), *nararmor* 'краснуха; корь' (букв. покраснение кожи), *leka: toba' leka* 'копытка' (основа глагола *leka(ś)* 'разбиться, расколоться'); ср. *neβa' heβ' leka(ś)* (этно.) 'ощутить мгновенную резкую боль в голове (если справа, предвещает худое, если слева — хорошее)'; *leka' ŋa* (миф.) 'злой дух, вызывающий копытную болезнь (у оленей)', *had' teb* 'грипп' (букв. приступ кашля) и др.

Обращают на себя внимание подчеркнута ласково-почтительные названия болезней. Интересно представление о болезнях, как о живых существах, наделенных людскими свойствами, например, *meřokoćand śandada jaŋgu* 'у оспы (букв. у язвочки) нет жалости'.

По распространенному у ненцев поверью, цинга (*śiŋge*) является к мужчинам в образе красивой девушки (к женщинам — в образе красивого парня), но от поцелуя ее человек заболевает. Довольно широко распространено обращение: *tu"ŋña' ŋada", puna βeβa ŋeŋgu — śiŋgenda" piriβta śidda" meñelta!* 'вставайте, а то потом плохо будет — цинга-девка вас полюбит!' С этим поверьем можно сопоставить почти аналогичное, некогда бытовавшее у русских восприятие лихорадки: «... лихорадка, например, представляется чаще женщиной, влюбляющейся в данного человека, который вследствие этой непрошенной симпатии и заболевает. Лихорадка именно, по народному русскому выражению, *пристаёт, привязывается* к человеку, целует его, отчего человек и заболевает».¹⁷

Впечатление подставных слов производят названия некоторых светил и явлений природы, например: *puŋgy* 'звезда' (букв. относящаяся к небу); *puβ' pud* 'Млечный путь' (букв. то, что придает устойчивость небу), *puβ' śojar* 'радуга' (букв. небесная дуга), *puβ' tu* 'молния' (букв. небесный огонь).

Слово *hajer* 'солнце' нередко заменяется в речи образным выражением *tu"ŋj śurña* (букв. верхнее вращающееся). Слово *harp* 'северное сияние; сполох' (обычно употребляется в форме множественного числа: *harp* 'сполохи') запретно и потому старательно избегается. По представлениям, еще бытующим в народе, северное сияние служит пред-

¹⁶ Совпадение названий некоторых заболеваний с подставным именем для черта (нечистой силы), который считается возбудителем многих болезней, отмечается и у русских (см. Д. К. Зеленин, указ. раб., часть II, стр. 104).

¹⁷ Там же, стр. 65.

знаменованием близкой пурги. Сравните, например, в выражении: *harp'' majilyd'' — hadm' perŋa''* 'играют сполохи — пургу предвещают'.

Обращает на себя внимание наличие подставных слов, выражающих такие понятия, как «смерть», «гроб», «могила» и пр. Например: *tin* б.-з. и зап. 'гроб', переносное употребление слова *tin* 'амбар; склад; сарай'.

В ямальском и таймырском говорах в том же значении, а также в значении 'могила'¹⁸ употребляется иносказательное слово *pëmb''* от основы глагола *pënz'* 'положить; уложить'. Ср. рус. *кладбище* от глагола *класть*. Общий для всех говоров тундрового наречия способ обозначения понятия 'могила' — словосочетание *halmer' baŋg* (букв. яма покойника). Обилие слов и выражений, обозначающих понятие «умереть», легче всего объясняется словесными запретами. Привести их с исчерпывающей полнотой трудно, тем более что, по-видимому, процесс их создания продолжается.

Как и весь лексический состав языка, подставные имена не остаются застывшими, неизменными. Их назначение в том, чтобы быть непонятными существам, о которых идет речь (первоначально зверям, а потом различным мифическим созданиям), но в то же время быть ясными собеседнику. Как только то или иное слово утрачивает «сокровенный» характер, оно теряет свое значение и должно быть заменено новым. С другой стороны, как уже отмечалось выше, некоторые из подставных слов переходят со временем в разряд запретных, и тогда для них подбираются новые подставные слова. В ряде случаев обновление подставных слов идет путем личного словотворчества. Подставные слова могут создаваться не только средствами родного языка, но и путем лексических заимствований из других языков. В то же время ласково-почтительная манера обращения имеет своей целью задобрить то или иное существо, снискать его расположение.

В приведенных словесных заменах по существу нет ничего мистического, они строятся на основании понимания людьми окружающего их объективного мира.

Что касается слов табу, то, являясь запретными словами, вместо которых в речи обычно употребляются другие наименования, они занимают особое место в лексике. В них фиксируются не характерные свойства значений того или иного слова, а своеобразие способов выражения определенных предметов или явлений. Объясняется эта особенность данных слов содержанием обозначающего их термина.

«Если иметь в виду противоположное табу полинезийское слово «ноа», означающее «всеобщий», «обыкновенный», то смысловое значение слова «табу» следует понимать как «выделенный», «особо отмеченный». Так трактовал табу, в частности, Д. Фрейзер, а вслед за ним и наш соотечественник известный специалист по вопросам истории первобытной культуры Л. Я. Штернберг».¹⁹

В настоящее время слова табу носят явно пережиточный характер и постепенно уходят из языка. Однако для истории лексикологии они представляют несомненный интерес, так как наглядно показывают особенности развития ряда слов, пути замены одних слов другими.

¹⁸ До недавнего прошлого ненцы не зарывали покойников в землю, а оставляли их на песчаных буграх. Около такой могилы ставилась нарта умершего, чтобы он мог ездить на ней по загробному миру.

¹⁹ А. Ф. Анисимов, указ. раб., стр. 125.

WORDS OF TABOO IN NENETS (YURAK SAMOYED)

There is an archaic class of words in Nenets, viz. taboos, which goes back to the stage of mental development when man personified nature and endowed animals with the ability to understand human speech and react to it.

In order that hunted animals might not guess the hunters' intentions, people resorted to indirect ways of saying what they wanted, and their words became obscure to the uninitiated.

Besides keen hearing, animals have an acute sense of smell. Many smells, hardly distinguishable to man, may scare them away. It is probably this idea of an exceptionally strong sense of smell peculiar to animals that gave rise to numerous prohibitions concerning women when they were supposed to be "unclean".

Besides hunting taboos, there are many taboos in Nenets connected with everyday life. Thus the names of diseases are avoided in speech, even though the names are obviously descriptive.

None of the taboos is mystic in its character; they were all motivated by people's ideas of the world they lived in.

Much as the rest of the vocabulary, substitution-words are in a state of flux. As soon as the word loses its hidden meaning, its use becomes pointless and the word must be replaced by a new one. On the other hand, some substitution-names may become taboos and in their turn want replacement.

But it will be seen that lexical taboos occupy a place all their own in the vocabulary; they do not reflect peculiarities of meaning; they point to peculiarities of notions and things.